Тайны...

Пг., 1917

ИМЛ — Библиотека
ГИ41
Т156

ГИАІ
Т 156 р

Тайны Царскосельскаго Дворца.

Тайна картины и граммофонной пластинки

ПЕТРОГРАДЪ.
Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 2-я Рождественская, д. 7.
1917.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГИАI
Т156 Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 730
БИБЛИОТЕКА
69205 У

Царскосельскій дворецъ, окруженный дивнымъ вѣковымъ паркомъ, паркомъ, вблизи котораго найдена была между прочимъ могила «старца», лица, дѣятельностью своею подточившаго шатавшіяся уже ступени трона,—имѣлъ свои тайны.

Теперь при свѣтѣ яркаго солнца свободы, озарившаго народъ, солнца, передъ которымъ трусливо уползаетъ тѣнь, многое изъ того таинственнаго, что происходило во дворцѣ, объяснится и раскроется, вѣрнѣе—многое объяснятъ и раскроютъ; но многихъ изъ тѣхъ, кто могли бы разъяснить и раскрыть — нѣтъ: одни погибли въ ссылкѣ, жизнь другихъ въ пасмурную, предразсвѣтную пору прервалась на Лисьемъ Носу.

Слава погибшимъ! Они—смѣлые, яркіе, подготовили намъ радость сегодняшняго дня. Безъ нихъ не колыхались бы сегодня надъ полками алыя съ гордыми надписями знамена, безъ нихъ не звучали бы сейчасъ громко святыя слова правды и справедливости. Угнетаемый и угнетенный народъ, склоняясь подъ бременемъ зла и неправды, продолжалъ бы плакать кровавыми слезами.

Въ пасмурное, осеннее утро у стѣны одной изъ залъ Царскосельскаго дворца служитель, вошедшій въ залу для уборки, замѣтилъ на полу какія-то темныя красныя липкія пятна. Казалось, что кровь. Созванные немедленно служителя обнаружили, что висѣвшая на стѣнѣ надъ этимъ мѣстомъ картина Штейна «Народъ ждетъ чуда» также носитъ слѣды этой липкой крови. Около глазъ лицъ рабочихъ, рыбаковъ и женщинъ, нарисованныхъ на картинѣ, словно кистью нанесены были красные блики и точки; къ золотой рамѣ приклеена была записка: «Въ ожиданіи чуда народъ истекаетъ кровавыми слезами».

Записку сорвали, кровь (какъ дѣйствительно оказалось при детальномъ изслѣдованіи) смыли и стали искать виновнаго.

Разслѣдованіе не дало никакихъ результатовъ.

Никто ничего не зналъ, никто ничего не видѣлъ, никто ни на кого не имѣлъ подозрѣніе. Дѣло кануло было въ рѣку забвенія, ибо до свѣдѣнія царя рѣшено было объ этомъ не доводить, но по прошествіи двухъ недѣль исторія повторилась: тѣ же пятна, та же записка. И снова виновникъ скрылся безслѣдно. Усилили наблюденіе, увели-

чили караулъ. Молва, стоустая молва, вытекая изъ дворца и извиваясь въ причудливые узлы и цѣпи, изукрашенная грозными, таинственными подробностями, снова вползла обратно во дворецъ. О картинѣ, источающей кровь, говорили всѣ и скрывать дальше, замалчивать происшедшее стало нельзя. Доложили царю. Резолюція была кратка: «Убрать негодяя и картину!»

Пошли аресты, допросы, пытки...

Государь интересовался, разспрашивалъ, настаивалъ, горячился...

Только черезъ мѣсяцъ сообщили царю, что «преступникъ», дворцовый истопникъ, «передъ смертью» сознался, что это онъ «пошутилъ»...

Такъ ли это? дѣйствительно сознался ли онъ въ своей «шуткѣ?» и его ли «убрали?»... Не онъ ли буревѣстникъ, играя головою своей, снова «пошутилъ» во дворцѣ, вселяя страхъ и ужасъ въ средѣ его царственныхъ обитателей?

Для нѣсколькихъ граммофоновъ, находившихся въ царскихъ покояхъ, доставлялись время отъ времени наборы всѣхъ новыхъ появившихся въ свѣтѣ лучшихъ пластинокъ. Въ длинные зимніе вечера почти ежедневно заводился граммофонъ...

Какимъ негодованіемъ и ужасомъ охваченъ былъ царь, когда вставленная въ граммофонъ пластинка съ надписью «Ты выслушай меня» вдругъ рѣзкимъ, нервнымъ голосомъ начала произносить слѣдующія слова:

„Ты выслушай меня!

Высокими, каменными стѣнами, рѣшетками, изукрашенными червоннымъ золотомъ, отгородился

ты отъ своего народа и не видишь ты кровавыхъ слезъ его и не слышишь его заглушаемыхъ по велѣнію твоему стоновъ. Пятою приспѣшниковъ твоихъ ты давишь малѣйшія проявленія свободы и правды. Дави! Волна народнаго гнѣва растетъ! Вмѣстѣ съ льющеюся кровью она вздымается все выше и выше; скоро уже она подымется выше стѣнъ и рѣшетокъ, окружающихъ твой дворецъ и зальетъ его вмѣстѣ съ тобою! Опомнись, если не поздно! Прогони окружающую тебя св..... и дай народу то, безъ чего невозможно жить—дай ему правду и свободу, хлѣбъ онъ достанетъ себѣ самъ...“

Государь остановилъ руку Фредерикса, желавшаго остановить пластинку и дослушалъ ее до конца...

Снова аресты, пытки, допросы...

„Опомнись, если не поздно“, говорилъ голосъ,—но было уже поздно...

На послѣднюю свою телеграмму, когда царь согласился на отвѣтственное министерство, онъ получилъ короткій отвѣтъ:

«Поздно»...

Императоръ, который могъ остаться въ исторіи съ именемъ великаго, которому судьба помогла дать странѣ конституцію и котораго армія вела къ побѣдѣ,—самъ себѣ подписалъ приговоръ. Онъ былъ малодушнымъ, трусливымъ и лицемѣрнымъ. Онъ не понималъ народа и не хотѣлъ знать его. Онъ подпалъ подъ вліяніе своей властной и упрямой жены—и та за него царствовала и управляла. И довела до отреченія...

Было много попытокъ „убѣдить“ царя, но онѣ только вызывали негодованіе царицы и упорное молчаніе со стороны Николая.

Вотъ содержаніе письма, которое вслухъ прочелъ Николай II великій князь Николай Михаиловичъ:

„Ты неоднократно выражалъ Твою волю „довести войну до побѣдоноснаго конца“. Увѣренъ ли Ты, что при настоящихъ тыловыхъ условіяхъ это исполнимо? Освѣдомленъ ли Ты о внутреннемъ положеніи не только внутри Имперіи, но и на окраинахъ (Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ?). Говорятъ ли Тебѣ всю правду или многое скрываютъ? Гдѣ кроется корень зла?—Разрѣши въ краткихъ словахъ разъяснить Тебѣ суть дѣла.

Пока производимый Тобою выборъ министровъ при томъ же сотрудничествѣ былъ извѣстенъ только ограниченному кругу лицъ,—дѣла могли еще идти; но разъ *способъ* сталъ извѣстенъ *всѣмъ и каждому* и объ этихъ *методахъ* распространилось во всѣхъ слояхъ общества, такъ дальше управлять Россіей немыслимо. Неоднократно Ты мнѣ сказывалъ, что Тебѣ некому вѣрить; что Тебя обманываютъ. Если это такъ, то то же явленіе должно повторяться и съ Твоей Супругой, горячо Тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному сплошному обману окружающей Ее среды. Ты вѣришь Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Оно и понятно. Но, что исходитъ изъ Ея устъ, есть результатъ ловкихъ подтасовокъ, а не дѣйствительной правды. Если Ты не властенъ отстранить отъ Нея эти вліянія, то, по крайней мѣрѣ, огради Себя отъ *постоянныхъ систематическихъ* вмѣша-

тельствъ этихъ нашептываній черезъ любимую Тобою супругу. Если Твои убѣжденія не дѣйствуютъ, а я увѣренъ, что Ты уже неоднократно боролся съ этими вліяніями, постарайся изобрѣсти другіе способы, чтобы навсегда покончить съ этой системой. Твои первые порывы и рѣшенія всегда замѣчательно вѣрны и попадаютъ въ точку. Но какъ только являются другія вліянія, Ты начинаешь колебаться и послѣдующія Твои рѣшенія уже не тѣ. Если бы Тебѣ удалось устранить это постоянное вторгательство во всѣ дѣла *темныхъ силъ*, сразу началось бы возрожденіе Россіи и вернулось бы утраченное Тобою довѣріе громаднаго большинства Твоихъ подданныхъ. Все послѣдующее быстро наладится само собой; Ты найдешь людей, которые, при измѣнившихся условіяхъ, согласятся работать подъ Твоимъ личнымъ руководствомъ... Когда время настанетъ, а оно уже не за горами, Ты самъ, съ высоты Престола, можешь даровать желанную отвѣтственность министровъ передъ Тобою и законодательными учрежденіями. Это сдѣлается просто, само собой, безъ напора извнѣ и не такъ, какъ совершился достопамятный актъ 17 октября 1905 года. Я долго колебался открыть Тебѣ истину, но послѣ того, что Твоя матушка и Твои обѣ сестры меня убѣдили это сдѣлать, я рѣшился. Ты находишься наканунѣ эры новыхъ *волненій*, скажу больше, наканунѣ эры покушеній. Повѣрь мнѣ, если я такъ напираю на Твое собственное *освобожденіе* отъ создавшихся оковъ, то я это дѣлаю не изъ личныхъ побужденій, которыхъ у меня нѣтъ, въ

чемъ Ты уже убѣдился и Ея Величество тоже, а только ради надежды и упованія спасти Тебя, Твой Престолъ и нашу дорогую Родину отъ самыхъ тяжкихъ и непоправимыхъ послѣдствій".

Лица, близкія къ отрекшемуся царю, такъ характеризуютъ бывшаго императора всероссійскаго:

— Слабый, безхарактерный человѣкъ, легко поддававшійся постороннему вліянію, Николая II никогда не былъ въ состояніи принять твердое и опредѣленное рѣшеніе. Признавъ необходимымъ одно, царь, послѣ разговора съ какимъ-нибудь иксомъ, принималъ діаметрально-противоположное рѣшеніе. Большихъ трудовъ не стоило убѣдить Николая II въ чемъ угодно. Съ особеннымъ уваженіемъ относился онъ всегда къ мнѣніямъ спеціалистовъ, понимая, впрочемъ, этотъ терминъ очень узко. Спеціалистомъ, по мнѣнію царя, былъ тотъ, кто волею судьбы, Александры Ѳеодоровны или Распутина стоялъ въ данный моментъ во главѣ той или иной отрасли хозяйства.

Александра Ѳеодоровна имѣла на царя подавляющее вліяніе. Въ присутствіи ея Николай II не имѣлъ своего мнѣнія. За него говорила царица, а царь, молча, со всѣмъ соглашался

Въ чемъ секретъ вліянія Александры Ѳеодоровны, никто понять не могъ. Даже Марія Ѳеодоровна не разъ разводила руками.

Молодая царица часто выѣзжала въ ставку. До поздней ночи въ ея аппартаментахъ горѣлъ свѣтъ. Это Александра Ѳеодоровна занималась государственными дѣлами, составляя проекты ука-

зовъ, намѣчая министровъ, назначая однихъ и смѣщая другихъ.

Приближенные къ Николаю II подчеркиваютъ его нѣжную любовь къ семьѣ, особенно къ сыну Алексѣю. Такія же чувства къ дѣтямъ питала и царица, никогда, впрочемъ, наружно не проявляя своей любви.

Слабость, безхарактерность, а отнюдь не твердость, сказались и въ послѣдніе исключительные дни жизни Николая II. Принимая огромной важности рѣшеніе, въ видѣ отреченія, онъ въ то же время спокойно спалъ, регулярно ѣлъ, ни на одну минуту не нарушая обычнаго образа жизни. Такъ, слабый духомъ человѣкъ легко успокаивается послѣ самыхъ страшныхъ потрясеній.

Но насколько слабъ характеромъ былъ Николай II, настолько энергичной, властной и самостоятельной являлась его жена Александра Ѳеодоровна. Человѣкъ съ огромнымъ характеромъ, большой силой воли, она не считалась ни съ какими препятствіями въ проведеніи того, что признавала необходимымъ. Ни одинъ министръ не могъ получить портфеля безъ ея одобренія. Протопоповъ, Голицынъ, Воейковъ и другіе—все это кандидаты Александры Ѳеодоровны.

„Съ исключительной нѣжностью“, сообщаетъ въ одной изъ своихъ статей „Рѣчь“, „и царь и царица относятся къ своему сыну Алексѣю. Малый, хилый и болѣзненный, онъ страдаетъ съ рожденія страшной болѣзнью—гемофиліей, кровоточивостью. Было два случая, когда казалось, что ничто уже

не спасетъ наслѣдника русскаго престола, что онъ истечетъ кровью.

Нужно отмѣтить, что гемофилія передается по наслѣдству, исключительно мужскому потомству. Зналъ ли Николай II, что въ роду Алисы Гессенской имѣются гемофилитики,—неизвѣстно. Но объ этомъ хорошо знала сама Александра Ѳеодоровна и особенно князь Бисмаркъ. Существуетъ предположеніе, что желѣзный канцлеръ, изъ вполнѣ понятныхъ политическихъ разсчетовъ, умышленно подсунулъ наслѣднику русскаго престола Алису Гессенскую, кровь которой была заражена страшнымъ ядомъ.

„В. В." устами своего сотрудника такъ повѣствуетъ о „совѣтахъ, которыхъ не слушалъ Николай II".

„Во время послѣдней аудіенціи М. В. Родзянко сказалъ Николаю II:

— Чувствую, что въ послѣдній разъ докладываю вамъ, государь...

— Почему?..

— Или вы распустите Думу или наступятъ событія, которыя сметутъ и васъ и Россію..."

Предчувствіе не обмануло предсѣдателя Думы. Аудіенція оказалась послѣдней, и революція, въ которую не вѣрили, смела царскую власть.

М. В. Родзянко каждый докладъ сопровождалъ одинаковыми предупрежденіями. Онъ объяснялъ положеніе вещей, указывалъ на растущее недовольство, на разстройство государственныхъ дѣлъ, на то, что министры руководствуются чаще всего личными, карьерными и корыстными интересами.

Настроеніе страны было чуждымъ и непонятнымъ царю. Онъ оставался глухимъ ко всѣмъ совѣтамъ, выслушивалъ, что ему докладывали, и поступалъ все-таки по-своему.

Еще два года тому назадъ М. В. Родзянко говорилъ государю:

— Никакіе пулеметы и орудія не сломятъ народной воли. Она рано или поздно громко о себѣ заявитъ.

Царь отмалчивался.

Послѣ убійства Распутина дворъ подпалъ всецѣло подъ вліяніе Протопопова. Ренегатъ-министръ, перекинувшійся изъ либераловъ въ клику реакціонеровъ, перещеголявшій цинизмомъ и угодничествомъ своихъ предшественниковъ, увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно.

— Я подавилъ революцію сверху, — намекалъ Протопоповъ на высылку князя Дмитрія Павловича и Юсупова,—подавлю революцію и снизу...

Когда Николаю II заикались о Протопоповѣ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Протопоповъ изъ Государственной Думы... Не понимаю, почему имъ вдругъ стали недовольны.

М. В. Родзянко энергично доказывалъ, что необходимо убрать Протопопова и разстаться съ прежней безотвѣтственной властью.

Царь либо отмалчивался, либо отвѣчалъ:

— Сдѣлаю, какъ мнѣ Богъ на душу положитъ.

Во время послѣдней аудіенціи царь, какъ выразился М. В. Родзянко, «былъ чрезвычайно агрессивнымъ». Аудіенція была непродолжительной и далеко не «высокомилостивой».

М. В. Родзянка слушали только по необходимости, боясь идти на открытый разрывъ. Его принимали только въ крайнихъ случаяхъ, часто недѣлями не отвѣчали на просьбу объ аудіенціи, иногда ограничивались—порученіемъ представить письменный докладъ.

Такъ же относились и къ А. И. Гучкову, когда онъ былъ предсѣдателемъ третьей Думы. Недаромъ одинъ изъ придворныхъ охранниковъ, почему-то еще не арестованный генералъ Спиридовичъ, замѣшанный въ убійствѣ Столыпина, говорилъ:

— Самый опасный для насъ Гучковъ,—по немъ давно плачетъ висѣлица...

Когда А. И. Гучковъ еще задолго до войны сдѣлалъ царю свой знаменитый докладъ о нашихъ военныхъ недочетахъ, Николай II вмѣсто того, чтобы принять совѣты къ свѣдѣнію, пригласилъ Сухомлинова и возмущенно спрашивалъ, откуда Гучкову извѣстны военные секреты. Въ результатѣ послѣдовала отставка товарища министра Поливанова. Сухомлиновъ воспользовался случаемъ, чтобы свести счеты.

Николай II выслушивалъ докучливыхъ совѣтчиковъ и поступалъ по своему, ни съ кѣмъ не считаясь и никому не довѣряя. Упрямство брало верхъ, предупрежденія только раздражали и озлобляли. Однихъ выслушивали по необходимости, другимъ насильно закрывали ротъ, третьихъ просто удаляли, лишая царскихъ милостей. Послѣдовательно были отстранены Джунковскій, кн. Орловъ и Дрентельнъ.

Послѣ убійства Распутина опала постигла чуть не всѣхъ великихъ князей. Царицу-мать Марію Ѳеодоровну давно перестали слушать. Государыня оставила свой дворецъ и переѣхала въ Кіевъ, желая подчеркнуть, что она далека отъ Царскаго Села и никакого участія въ политикѣ не принимаетъ.

Вдовствующая государыня жила въ Кіевѣ просто и доступно. Она не разъ приглашала кіевскихъ депутатовъ В. Я. Демченка и А. И. Савенка и открыто заявляла, что давно не имѣетъ никакого вліянія на сына и его поступкамъ не сочувствуетъ.

Событія шли, электричество накоплялось, недовольство въ народѣ росло, привительство дѣлало все, чтобы раздражить народъ, усилить смуту, разжечь страсти, не понимая, куда толкаетъ Россію.

Всѣ сказали свое слово, всѣ, кто могъ, побывалъ въ Царскомъ, но тамъ отмахивались ото всѣхъ, оставались въ обществѣ Протопопова и Воейкова и, убаюканные ихъ лестью, успокоились. Не подошелъ даже правый Треповъ. Его замѣнили немощнымъ Голицынымъ, никогда государственными дѣлами не занимавшимся.

Когда Голицына въ Думѣ спросили, почему онъ согласился занять отвѣтственный постъ, къ которому совершенно не подготовленъ, неожиданный премьеръ, не стѣсняясь, отвѣтилъ:

— Я самъ сознаю, что вовсе не подготовленъ. Я и государю это сказалъ. Я такого ему про себя наговорилъ, что если это повторилъ кто-нибудь другой, я бы вызвалъ его на дуэль.

— А что вамъ отвѣтилъ государь?

— Отвѣтилъ: мнѣ такого и надо.

Бездарныхъ и неспособныхъ имѣть собственное мнѣніе выбирали умышленно сперва по протекціи распутнаго хлыста, потомъ по совѣтамъ Протопопова и всегда съ одобренія Александры Ѳеодоровны. Царь только царствовалъ, а управляла царица.

Одна изъ распространенныхъ столичныхъ газетъ сообщала, что организаторомъ разстрѣла народа былъ „совѣтчикъ“ Протопоповъ.

Еще за три недѣли до переворота Протопопову было сообщено охраннымъ отдѣленіемъ о томъ возбужденіи, которое царило среди рабочихъ петроградскихъ фабрикъ и заводовъ. Объ этомъ же былъ поставленъ въ извѣстность черезъ дворцоваго коменданта Воейкова и Николай Романовъ.

Ожидали остраго столкновенія съ Государственной Думой, и въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Николая, было созвано особое совѣщаніе, какъ разъ передъ поѣздкой его въ ставку.

Въ совѣщаніи участвовали кн. Голицынъ, Воейковъ, Ниловъ, Протопоповъ и другіе члены кабинета; приглашенъ былъ и Штюрмеръ.

Протопоповъ настаивалъ на предоставленіи въ его распоряженіе кредита въ 350—400 тыс. руб. «для подавленія революціи въ самомъ зародышѣ».

— Эта сумма необходима для того, что-бы петроградскихъ городовыхъ можно было обучить стрѣльбѣ изъ пулеметовъ. Тогда правительство можетъ вполнѣ спокойно покончить съ движеніемъ. Кучка людей, желающихъ перемѣны, будетъ просто разстрѣляна изъ пулеметовъ, и такимъ путемъ всякая опасность минуетъ.

Отд. № 69205

Николай, почти уже согласившійся на подтвержденіе конституціи 1905 года, неожиданно перемѣнилъ свое рѣшеніе и тутъ же заявилъ:

— Если вы убѣждены въ этомъ, то выполните свою программу.

Протопопову совѣщаніемъ были отпущены 350 тыс. руб. изъ 10-ти милліоннаго фонда.

Какъ не похожъ голосъ этого «совѣтчика» на гнѣвный голосъ, звучавшій съ граммофонной пластинки.

Живъ ли еще „наговорившій“ эту пластинку? Или гдѣ-нибудь за сараями пустыннаго Лисьяго Носа находится твоя безвѣстная, сравненная съ землею, могила, и ярко красные цвѣты, которыми мы придемъ украшать этотъ берегъ, склонивъ свои головки къ землѣ, прошепчутъ тебѣ слова нашей благодарности и признанія?